

А
Юрий Львович Слёзкин (1885-1947).

Источник: "Новелла серебряного века", Москва, "Терра-Терра", 1994.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com), 16 августа 2003.

ЮРИЙ СЛЁЗКИН

НЕГР ИЗ ЛЕТНЕГО САДА

М. А. Кузмину

I

Я знаю одну удивительно странную историю, страдательным действующим лицом которой явился некий барон фон-дер-Гац и -- совершенно неведомо для себя -- негр из летнего сада в Митаве.

Я познакомился с бароном фон-дер-Гац у него в имении лет пять тому назад. Это было большое майоратное поместье, в несколько десятков тысяч десятин земли, почти целый уезд одной из наших остзейских губерний.

Старый замок, стиля древнегерманских крепостей, с высокими башенками, острыми шпилями, бойницами для пушек, -- весь серовато-красный, окаймлялся густым парком, только незначительная часть которого, около дома, была расчищена; дальше тянулся почти девственный лес, с едва намеченными заглохшими аллеями.

Барон был в достаточной степени разорен и не мог поддерживать в должной мере великолепия родового поместья, но все-таки это не мешало ему, благодаря значительным доходам, жить безбедно и даже широко. Почти всегда в замке толпились какие-нибудь гости: соседи-помещики, друзья детства, однокашники, приезжавшие из разных концов России, наконец -- петербургские знакомые.

Хозяин принимал радушно, хозяйка была очаровательна; что же удивительного в том, что никто не манкировал при случае завернуть в "Гацдорф" -- так звали поместье -- и оставались в нем почитай что неделями, совершенно не помышляя об отъезде.

Все знали барона как отличного хозяина, неутомимого работника, прекрасного семьянина. Женившись на дочери одного промотавшегося русского барина и не взяв за ней ничего, кроме красоты и молодости, он сейчас же бросил гвардейский полк, в котором служил, и, рассудив, что только при усиленном труде можно поддержать престиж рода своего и семьи, удалился в поместье и занялся хозяйством.

С шести часов утра, а то и раньше, в страдную пору, можно было видеть барона фон-дер-Гац уже бодрствующего, уже верхом на английской кобыле объезжающего тихую рысью свои владения, следящего за правильной порубкой леса, за жнивой, за выгоном скота.

Главного управляющего-агронома, до того бывшего в "Гацдорфе", барон выслал, как нечистого на руку, и управлялся со всем единолично, при помощи шести приказчиков, взятых из крестьян посмышленее.

Только благодаря своему неусыпному бдению над родовым имуществом, барон пользовался относительным благосостоянием, что и заявлял многим своим приятелям не без гордости. И все, разумеется, согласились с ним.

Злые языки говорили, что, оберегая одну собственность, барон тем самым рисковал утратить другую -- свою жену, так как будто бы ей очень скучно в старом барском гнезде, а скуки ради мало ли какие желания приходят в голову. Но всё это были не более как сплетни, неперменные спутники даже небольшого человеческого общества.

Баронесса была любезна, но не до фамильярности, учтива, но без утрировки, и никто не мог похвалиться ее особливим предпочтением. Правда, она любила развлечения и удовольствия, но это было в порядке вещей, так как ей недавно минуло всего лишь двадцать лет. Если изящное кокетство, овеянное легкой сентиментальностью и наивностью, почитать за порок, то только этим одним пороком обладала прелестная баронесса фон-дер-Гац.

II

А